

АЛЕКСЕЙ ПАХОМОВ

САПЕРЫ ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА

"Будут в преданьях навеки прославлены,
Под пулеметной пургой,
Наши штыки на высотах Синявина,
Наши полки подо Мгой."
(П. Шубин. Ленинградская застольная)

Пусть немало забыл я,
Не забудется мне:
Чуть отросшие крылья -
Опалил на войне.

Дождь со звоном по крыше,
Вдаль ручьи наугад.
Выше голову, выше,
Поседевший мой брат!

Знают наши ребята,
Знают наши друзья,
Что нам дал сорок пятый,
Что без времени взял.

(Алексей Пахомов, далее – А.П.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Незабываемой страницей в истории Великой Отечественной войны 1941-1945 годов является 900-дневная героическая оборона Ленинграда, после прорыва блокады ставшая одной из величайших наших побед. Но эта победа досталась нам ценой огромных потерь.

Цементирующей силой обороны Ленинграда был высокий патриотизм и любовь советских людей к своей социалистической Родине, крепкая трудовая и воинская дисциплина, а также организующая и направляющая роль коммунистической партии, во главе с ее генеральным секретарем и гениальным полководцем Иосифом Виссарионовичем Сталиным. И чтобы теперь ни говорили о нем его враги и малoverы, как бы ни обливали грязью И.В. Сталина, при оценке его деятельности, особенно во время Великой Отечественной войны, ответ разумных людей будет однозначным: «Не было бы Сталина – не было бы Победы!». Возникает вопрос, кто больше причинил зла нашему народу и государству, Сталин, который борясь со всевозможными врагами России, сделавший Советский Союз Великим государством, а народ богатым и процветающим, или те, кто разрушил это государство, а народ довел до нищеты и унижения? Думается, на эти вопросы люди еще дадут соответствующий ответ. И ответ этот не за горами.

Ленинград и до войны был крупным индустриальным, научным и культурным центром. Он один выпускал промышленных изделий больше чем вся промышленность царской России. Около двадцати процентов всех производимых в стране машин делали в Ленинграде. Здесь работало более

140 научно-исследовательских институтов, учреждений Академии наук СССР. И об этом знали во всем мире, и наши друзья и недруги. Вот почему империя третьего рейха, во главе с бесноватым фюрером, опьяненная легкими победами в Европе в конце 30-х годов, решила так же быстро разгромить СССР в 1941 году, но в первую очередь захватить именно Ленинград.

До войны Ленинградский военный округ располагался на территории от Мурманска до Таллина на протяжении 1275 километров. Командующим округа был генерал-лейтенант Маркиан Михайлович Попов, а начальником управления инженерных войск – подполковник Борис Владимирович Бычевский, ставший во время войны генерал-полковником, а после ее окончания – генералом армии, впоследствии написавшим книгу «Город-фронт», изложив в ней события трудной и долгой борьбы советского народа и его Вооруженных Сил против фашистских завоевателей.

Свои основные героические подвиги и победы Ленинградский фронт совершил под руководством маршала Советского Союза Леонида Александровича Говорова. Отдавая дань уважения и памяти воинам всех родов войск, в своей книге, исходя из ее названия, я расскажу о саперах Ленинградского фронта, героически сражавшихся с ненавистным врагом.

Читая книгу Б.В. Бычевского «Город-фронт», чувствуешь искреннее уважение автора к своим боевым друзьям и товарищам, с которыми он сам шел рядом по кровавым дорогам войны от ее начала и до конца, повествуя об этом живо и достоверно, в связи с чем каждый сюжет книги не оставляет равнодушным ее читателя.

Мне лично эта книга особенно понравилась тем, что в ней более сорока страниц отведено описанию боевой деятельности 106 ОМИБ, отдельного инженерного батальона, в котором мне довелось воевать в годы Великой Отечественной войны. Однако в своей книге автор скромно умолчал о своей роли в боевых успехах своего подразделения, как будто видел все это со стороны. На самом же деле, Б.В. Бычевский был не только просто участником минувшей войны, но и прекрасным и героическим организатором многих боевых операций, за что был удостоен многих государственных наград, одной из которых был орден Суворова.

О боевых заслугах Б.В. Бычевского я знаю не понаслышке. В числе своих однополчан я часто видел его в расположении своей части, даже на одной из моих военных фотографий он запечатлен с нами перед боем. Мы видели и знали, как он внимательно и заботливо относился к своим подчиненным, каким был душевным человеком. За эти человеческие

качества он снискал себе глубокое уважение и любовь подчиненных, навсегда оставшись в наших сердцах.

Думаю, что и теперь читатель из книги «Город-фронт» мог бы почерпнуть как из суворовской «Науки побеждать» что-то важное и необходимое для самообразования, готовясь защищать свою Родину. Да, жаль, что теперь книгу Бычевского очень трудно найти, разве что только в личных библиотеках ветеранов прошедшей войны.

Были написаны и другие книги о боевой деятельности 106 ОМБИ в рамках его взаимодействия с другими подразделениями различных родов войск Советской Армии. Такие, например, как книга «Семь дней января», написанная в соавторстве с Д.К. Жеребовым командиром 106 ОМИБ Иваном Ивановичем Соломахиным, под командованием которого я воевал.

Этим событиям посвящена также книга «Инженерные войска города-фронта», представляющая собой сборник исторических очерков и воспоминаний ветеранов, рассказывающих о героическом ратном труде сапёров, понтонёров, минёров, военных строителей Ленинградского фронта и Балтийского флота, а также вошедших в него документальных повестей и газетных и журнальных статей, посвященных этим событиям.

Однако, в названных изданиях речь идет только об отдельных эпизодах боевой деятельности 106-го Отдельного моторизованного инженерного Краснознаменного Кингисеппского батальона Резерва Главного Командования Ленинградского фронта, занимавшегося сапёрными, понтонёрными, минёрными и строительными делами, форсированием водных преград, штурмом дотов и дзотов и неприступных высот, инженерными разведками и изысканиями, уничтожением танков противника, мостов и других военных объектов. За время войны батальон не однажды исколесил Карельский перешеек, Эстонию, Ленинград и Ленинградскую область. Батальон воевал также под Псковом и Нарвой, в Прибалтике, а его командир, И.И. Соломахин, закончил войну в Венгрии комбригом. Поэтому, я, по совету и с помощью своих однополчан, решил описать весь боевой путь нашего 106-го ОМИБ от начала его организации и до расформирования при взгляде на боевые события как бы снизу, изнутри, на фоне боевых действий фронтов, как непосредственный их участник, рядовой солдат, прочувствовавший все военные перипетии на своей, как говорят, собственной шкуре. В своем повествовании я хочу освятить не только путь одной боевой воинской части, нашего инженерного батальона, но упомянуть в нём и о других инженерных частях не только Ленинградского фронта, но и других фронтов, прошедших аналогичные фронтовые дороги во взаимодействии со всеми родами войск Советской Армии.

Хотелось бы, чтоб и молодого читателя моя книга тронула за душу и сердце, определила его дальнейшие жизненные ориентиры. Очень надеюсь, что она поможет молодым людям в чем-то разобраться, избежать ошибок, а что-то взять себе на вооружение при исполнении служебного долга, и не только во время всевозможных вооруженных потрясений, а и в наше мирное, но суровое и смутное время.

НАКАНУНЕ

Шел 1941 роковой...

Стремясь к мировому господству гитлеровский Вермахт бросил свои бронетанковые орды на Европу и северную Африку, наводя ужас на жителей завоеванных стран», - читаем мы историю Великой Отечественной войны.

Немецкая лающая речь резала ухо каждому, кто ненавидел зарвавшихся оккупантов и оказывал сопротивление этому чудовищному нашествию.

Фашисты безнаказанно бомбили и разрушали английские города и стратегические объекты обороны.

Экспедиционный корпус фельдмаршала Роммеля одерживал победы на африканских полях сражений.

А в это же время немецкие дивизии сосредоточивались на границах Советского Союза от Баренцева до Черного моря.

Конечно, мы понимали степень смертельной опасности, нависшей над нашей Родиной – Союзом Советских Социалистических Республик. Знали, что представляет собой фашизм с его чудовищной философией. Знали о постоянно дымящихся трубах германских концлагерей, где сжигали без суда и следствия людей. Знали о военной силе «Третьего рейха», о его новейших танках, скоростных самолетах и скорострельном оружии в руках беспощадных солдат. Знали, что фашистская армия была самой мощной по вооружению, заставившая встать перед ней на колени народы Европы.

Гитлер был уверен, что он самой судьбой предназначен принести в мир «идею очищения» и навсегда покончить с большевистской Россией.

Советское правительство разгадало провокационный замысел Англии и Франции во что бы то ни стало вовлечь СССР в войну с Германией. Знало оно и о тайных переговорах Англии с Германией, о разграничении жизненного пространства между ними, о захвате рынков сбыта, включая «рынки» России и Китая, о возможности подписания англо-германского договора о ненападении. Знали, что по науськиванию из Лондона правительство Польши и Прибалтийских стран враждебно относились к конвенции коллективной безопасности.

Все то, о чем я сейчас говорю, конечно, не в новость, об этом говорит сама История. Но, хочу заметить, что История-то повторяется. Все то же оказывается происходит и сейчас в наше текущее смутное время, с той лишь разницей, что все запланированное Гитлером в его книге «Майн камф» (Моя борьба) сейчас выполняется странами НАТО во главе с Соединенными Штатами Америки и с помощью наших предателей и изменников Родины. Поэтому я позволю себе продолжить комментировать те исторические события, чтобы читателю было легче сделать сравнение хода событий второй мировой войны с ходом современных текущих событий, грозящим миру третьей мировой войной.

Если тогда западные державы ясно давали понять Германии, что она имеет полную возможность беспрепятственно использовать «Балтийский коридор» для прыжка на Советский Союз, то теперь они объединяют в НАТО все европейские страны во главе с США с вовлечением стран, ранее входивших в состав СССР.

Фашистской Германии предлагалось вместе с Англией сколотить антисоветский блок. Вот почему Советское правительство согласилось на подписание с Германией пакта Молотова-Риббентропа - договора «О ненападении» сроком на десять лет. Этим Сталин надеялся выиграть хотя бы год-полтора, необходимые нам для укрепления новых границ после воссоединения западной Украины и западной Белоруссии, создания и освоения своего нового оружия, подготовки армии, выросшей в 2,5 раза, и военно-морского флота к будущей войне.

Прошедшие около двух лет мирной передышки со дня подписания договора «О ненападении» позволили Стране Советов сделать очень многое в плане укрепления своей обороноспособности, т.к. многие уже чувствовали, что войны не избежать и она не за горами. Но полностью завершить строительство огневых рубежей и соответствующую подготовку наших Вооруженных Сил времени явно не хватало. В то же время из различных источников стали появляться донесения, сообщающие о том, что 22 июня 1941 года фашистская Германия нападет на Советский Союз.

БЛОКАДА

(отрывок из неопубликованной повести «Саперы
ленинградского фронта»
(под редакцией В.А. Пахомова)

Осада

С тех пор, как наступление немцев на Ленинград захлебнулось и Командование группы «Север» 25 августа 1941 года вынуждено было признать невозможность прорвать советскую оборону, началась осада Ленинграда.

Гитлер и его клика на весь мир заявили, что город сам поднимет руки, Ленинград умрет голодной смертью. Но бредовым планам Гитлера не суждено было сбыться. Ленинград выстоял, хотя положение его в условиях блокады было действительно очень тяжелым, даже трагическим.

В городе с пригородами насчитывалось в то время 2 миллиона 887 тысяч человек, из них половина – дети, старики, инвалиды, что существенно осложняло его оборону.

С первых дней блокады гитлеровцы начали варварские обстрелы и бомбежки города, с целью его максимального разрушения, уничтожая мирное население, стремясь вызвать панику и деморализацию людей. От бомбежки 8 сентября 1941 года вспыхнуло 180 пожаров, в том числе огромный пожар на Бадаевских продовольственных складах, где только муки сгорело три тысячи тонн, а также две с половиной тысячи тонн сахара.

С 8 сентября по 15 декабря 1941 года было зарегистрировано 15 тысяч возгораний. В течение осени 1941 года от бомбардировок в Ленинграде было убито 1832 и ранено 8301 человек. Но бомбежками и артобстрелами врагу не удалось посеять панику и вызвать отчаяние среди населения, они наоборот только вызвали у людей ненависть к фашистам и чувство священной мести завоевателям. Все население города участвовало в тушении пожаров, сбрасываемых с самолетов «зажигалок», в оказании

помощи друг другу. Многие дружинницы погибали на боевом посту при разборке завалов и извлечении из-под обломков зданий заживо погребенных людей. Немецкие летчики сбрасывали и бомбы замедленного действия весом от одной до трех тонн, которые было опасно разминировать даже опытным подрывникам и пиротехникам. Наибольшую опасность представляли морские магнитные мины, сбрасываемые с парашютов, имевшие второй взрыватель-противоперевозочный, всякое сотрясение которых вело к катастрофе. Но и этот секрет фашистов был успешно разгадан нашими специалистами.

Укрепление обороны.

Всю осень и часть зимы ленинградцы упорно создавали глубоко эшелонированную оборону. На главной линии Урицк-Пулково-Колпино восстанавливали старые траншеи и ходы сообщения, строились новые узлы и огневые точки. Работа велась под постоянным обстрелом в холодных и ненастных условиях. Зимой 1941-1942 годов вследствие голода и тяжелых лишений, вызванных блокадой, строительство укреплений почти прекратилось и возобновилось лишь весной 1942 года.

Даешь больше оружия!

Не смотря на то, что условия работы фабрик и заводов ухудшились, фронт постоянно требовал от промышленности увеличения производства оружия, снарядов, мин, военной техники. И как не велики были трудности в реализации этих требований, специализация и кооперация для их решения в городе были налажены. Например, вместо использования олифы применяли торфяную смолу. Металлический завод вместо турбин стал выпускать бронепоезда, собирать и ремонтировать танки, обтачивать корпуса снарядов. Две трети автоматического оружия, полученного войсками фронта, было изготовлено предприятиями Петроградского района.

Завод «Скороход» изготавливал пулеметные ленты, оптико-механический завод – оптические прицелы для винтовок. Это об их работе писала в то время газета «Известия»: «В грохоте и огне здесь делают детали, которые так необходимы сейчас. Кузнецы, подручные, нагревательщики работают с настоящей яростью. Так на фронте бойцы ходят в атаку. Это не просто стахановская работа, это труд людей, которые чувствуют себя на передовой линии боя, людей, готовых сделать все для защиты своего города...»

Ладожское озеро осенью сильно штормит, и потому, в это время года, считалось почти непроходимым. Специального флота и благоустроенных причалов там не было. Пришлось все создавать заново. Грузы возили на баржах, катерах и других приспособленных для этого судах.

Моряки Ладоги блокадной осенью ценой огромных усилий доставили в Ленинград двадцать пять тысяч тонн различного продовольствия.

На 1-е ноября 1941 года в Ленинграде оставалось муки – на 15 дней, крупы – на 16 дней, сахара – на 30 дней, жиров – на 22 дня. К 9-му ноября запас сократился до предела. 13-го ноября произошло 4-е снижение продовольственных норм: рабочим выдавали по 300 граммов хлеба в сутки, служащим, иждивенцам и детям до 12-ти лет – по 150 граммов.

20 ноября норма снабжения еще сократилась: рабочим стали выдавать 250 г хлеба, служащим, иждивенцам и детям – 125 г. Войска первой линии, личный состав боевых кораблей, летно-технический состав Военно-воздушных сил (ВВС) – получали 500 г хлеба на человека, все остальные воинские части – по 300 г.

Голод

В блокадном Ленинграде начался голод. В хлеб добавляли соевую муку, жмыхи, отруби, мучные смеси. Из-за отсутствия топлива не действовали отопление зданий, водопровод и канализация. В декабре от дистрофии умерло почти 53 тысячи человек, в довоенное время столько людей умирало во всей стране

в год. Началась дистрофия алиментарная или, по-другому, голодная болезнь (отёчная болезнь, голодные отёки), т.е. болезненное состояние, развивающееся в результате недостаточного поступления питательных веществ (особенно полноценного белка) в организм, связанное с голоданием, которую люди не переносили и умирали. Медицина в этом случае была помочь бессильна.

В ноябре 1941 года трест «Похоронное дело» захоронил 9219 человек, в декабре – 27463, в марте 1942 года – 89968 человек.

А всего в Ленинграде по официальным данным умерло от голода 64180 человек, однако по некоторым другим источникам считают, что число умерших превышает 800 тысяч человек.

Серьезную помощь ленинградцам оказали колхозники северовосточных районов Ленинградской области. 29 марта 1942 года, в Ленинград через линию фронта партизанами, с риском для жизни, был переправлен обоз в составе 250 подвод с продовольствием: 380 центнеров хлеба, 120 центнеров жиров в сопровождении 22-х делегатов во главе с председателем Дедовичского райисполкома А. Поруценко.

Ледовая дорога жизни

Из воспоминаний о блокаде Якова Андреевича Юдина, участника обороны Ленинграда: «Уже в октябре-ноябре 1941 года начался голод, обстрелы и бомбежки. Народ стал вымирать семьями с голоду. Стекла в домах разбиты, электросвета нет, водопровод и канализация не работали. 18 ноября мне дали машину и отправили на дорогу жизни. Таких как я из батальона было 15 человек с машинами, а вообще собралось много. Стали ездить через Ладожское озеро под бомбежками и обстрелами: туда возили эвакуированных, оттуда продукты питания, но в основном муку. Потом по этой дороге пошли сибиряки с танками. 12 января начался прорыв блокады. Меня ранило и после ранения я попал в 125 батальон 8 Ударной армии».

22 ноября 1941 года по льду Ладожского озера прошли первые 60 полутонных машин с продовольствием. Ледовая трасса вступила в строй. 25 декабря 1941 года увеличили паек. Населению города стали давать по 350 граммов хлеба по рабочим карточкам и по 200 граммов на человека по карточкам служащих, детей и иждивенцев. Настроение ленинградцев заметно поднялось.

Январь 1942 года для ленинградцев был крайне тяжелым, число больных дистрофией возросло. Однако ленинградцы не теряли стойкости в борьбе. Принимались меры к отогреву замерзших водопроводных и канализационных труб, к восстановлению работы котельных в домах с центральным отоплением. Но многого сделать в ту зиму не удалось. Лишь весной и летом 1942 года задача в основном была решена. В связи с резким сокращением запасов топлива на заготовку леса послали женщин, не смотря на то, что им никогда не приходилось заниматься подобным делом. Организовали работу «чайных», «кипяточных»: на предприятиях создали столовые, где взамен карточек люди получали трехразовое питание, а в домохозяйствах создали комнаты для ослабевших, где имелся кипяток. Было создано свыше 100 стационарных лечебных учреждений.

24 января 1942 года была сделана вторая прибавка выдачи хлеба по карточкам. На рабочую карточку стали давать 400 граммов, на карточку служащего - 300, иждивенцам – 250 граммов. Дорога через Ладогу стала работать лучше.

11 февраля 1942 года – третья прибавка выдачи хлеба. Рабочим давали по 500 граммов хлеба, в горячих цехах – 700 граммов, служащим – 400, детям и иждивенцам – 300 граммов. Увеличили нормы выдачи крупы, макарон и других продуктов питания. В холодных замороженных цехах предприятий рабочие ремонтировали танки, моторы, изготавливали снаряды, мины, взрыватели, гранаты, чего у нас на фронте очень не хватало, в связи с чем боеприпасы выдавались бойцам строго по установленному количеству. 22 ноября 1941 года из деревни Ваганово в первый рейс отправили 60 грузовых автомобилей в Кобону, а оттуда везли 70 тонн муки. Началась перевозка продовольствия в Ленинград. С начала декабря грянули тридцатиградусные морозы, в связи с чем стало меньше проваливаться машин под лед.

Войска Красной Армии разгромили тихвинскую группировку немцев, освободили железную дорогу Вологда-Волховстрой. Восстановили железную дорогу Тихвин-Войбокалово и открыли по ней движение, сократив путь перевозок на 55 километров.

Ладога, как легендарная дорога жизни, помогла спасти сотни тысяч людей, восстановить их силы для новых дел, для предстоящих горячих боев с гитлеровцами.

23 октября 1942 года десятки судов противника напали на остров Сухо, высадили на него десант. Но гарнизон острова во главе со старшим лейтенантом И.К. Гусевым, с помощью воздушной эскадрильи Героя Советского Союза Г.А. Костылева и двух отрядов кораблей ладожской флотилии наголову разбили захватчиков. Немцы потеряли 17 десантных судов, 5 катеров, 14 самолетов.

27 декабря 1942 года вновь стала работать ледовая дорога и до 30 марта по ней доставили 214539 тонн груза.

Судьба Ленинграда волновала людей всех республик Советского Союза. Они посылали свои многочисленные подарки в город на Неве: хлеб, мясо, жиры и другие продукты. Из Киргизии пришел эшелон с мукой, мясом, маслом, сухофруктами, рыбой, табаком. В декабре 1941 года из Казахстана доставили 77 вагонов продовольствия, в феврале и мае еще 355 вагонов, а в 1943 году – 1500 вагонов с продовольствием. Приходила помощь также из Узбекистана, Таджикистана, из г. Горького и других мест.

В конце сентября противник был остановлен. Фронт стабилизировался, однако линия фронта проходила всего в нескольких километрах от города, и враг в любой момент мог начать бомбардировки с воздуха или вести огонь из дальнобойных орудий. Особо часто подвергался обстрелу Кировский завод. В его цехах рвались снаряды, гибли люди, было разрушено много заводских помещений.

В октябре 1941 года Кировский завод начали эвакуировать в Челябинск. С 21 октября по 31 декабря вывезли 111614 рабочих. На базе тракторного завода производили танки. 16 февраля 1942 года бюро горкома партии приняло решение о подготовке и проведении весеннего сева. Раздавали огороды под посев всем, кто мог и хотел заниматься огородничеством. С 25 марта по 8 апреля 1942 года все работали на очистке города.

Замыслы врага провалились

4 апреля 1942 года фашисты хотели осуществить воздушную операцию «Айсштосс» (Ледяной удар), целью которой было уничтожение боевых кораблей Краснознаменного Балтийского флота, стоявших на Неве. 190 бомбардировщиков бросили фашисты на Ленинград и одновременно открыли артиллерийский

огонь по кораблям и городу. Наши летчики в этих боях сбили 18 самолетов противника. До конца апреля немцы продолжали воздушные нападения на наши корабли, но потеряв 60 бомбардировщиков, противник операцию «Айсштосс» провалил. К декабрю 1942 года все наши оборонительные сооружения были завершены.

Гитлер, ставя своей целью добиться падения Ленинграда, поставил группе армий «Север» задачу к началу сентября в ходе операции под кодовым названием «Фойерцаубер» (Волшебный огонь) захватить город. Для этого из Крыма было переброшено 5 дивизий вместе с тяжелой артиллерией и артиллерией особой мощности. Враг, усилив свою 18-ю армию, обрушив на город тысячи бомб и снарядов, хотел прорвать фронт южнее Ленинграда, захватить его окраины, а затем форсировать Неву и охватить город также с востока.

Советское командование разгадало замыслы врага. С июля немцы перебросили под Ленинград пехоту и артиллерию и создали группу из 13-ти дивизий. Однако, в разгар подготовки этой операции, совершенно неожиданно для гитлеровцев, наши войска начали наступательные действия. Первый удар по врагу нанесли войска Ленинградского фронта. 19 августа 268-я стрелковая дивизия полковника С.И. Донского атаковала противника в районе Усть-Тосно. Одновременно моряки-десантники высадили отряд в районе Ивановского. Не смотря на яростные атаки противника, 268 дивизия удерживала захваченное предместное укрепление. 27 августа перешла в атаку 8-я армия Волховского фронта на участке от мыса Бугровского до Вороново. Оборона противника была прорвана. Наши передовые части подошли к Синявино. Оборонявшиеся гитлеровские дивизии были растрепаны и находились на грани разгрома.

4 сентября Гитлер приказал Манштейну взять на себя командование войсками, противостоявшими Волховскому фронту, и восстановить положение.

В итоге сентябрьских боев гитлеровское командование оказалось не в состоянии осуществить план захвата Ленинграда, операция «Волшебный огонь» затухла.

Во второй блокадной зиме условия жизни горожан стали несомненно лучше, хотя приходилось еще преодолевать немало трудностей.

19 июня 1942 года в «Ленинградской правде» Александр Фадеев писал: «Женщины Ленинграда! Найдутся ли когда-нибудь слова, способные передать все величие их труда, их преданности Родине, городу, армии, семье, их безмерную отвагу!»

Великая слава женщинам-ленинградкам тех незабываемых лет! Пусть их подвиг будет примером для нынешнего и будущих поколений.

Огромную роль в духовном воспитании ленинградцев играли радио и печать. Они звали на борьбу против фашистских захватчиков, укрепляли связь между жителями и защитниками города, ежедневно вдохновляли людей нести трудовую вахту, всеми силами помогать фронту. «Ленинградская правда» настойчиво разоблачала звериную сущность фашизма, его жестокость, насилия и издевательства над населением захваченных районов. Газета публиковала горячие стихи поэта-фронтовика Михаила Дудина, зовущие к мести:

За то, что ночь чадит пожаром,
За поднесенный к горлу нож
Ответь врагу тройным ударом,
Найди его и уничтожь!

Новое пополнение

В октябре 1942 года, в числе пополнения из Саратовской области, в блокадный Ленинград попал и я. У каждого из нас было по мешку сухарей, на всякий случай. Наш эшелон долго ехал по железной дороге до Ладожского озера, а через Ладогу ночью баржами нас переправили в Ленинград. По пути через озеро и в городе пришлось неоднократно наблюдать воздушные бои самолетов в небе, полет трассирующих пуль, лучи прожекторов, слышать разрывы снарядов и бомб на улицах города, что было для нас удивительно и необычно. Мы видели худые и изможденные лица ленинградцев, занятых каждый своим делом, уверенных в решении своих задач и непоколебимых. Об этом позже мною были написаны такие стихи:

Я плыл по Ладоге когда-то.
Баржа трещала ото льда.
Сидели хмурые ребята.
Никто не знал, плывем куда.

Темно. Не вспыхнет папироса,
Никто не звякнет котелком...
У трюма строгие матросы
Нас обжигали холодком.
Запомнил крепко вой снарядов
И пуль трассирующих взлет.
Туда, в блокаду Ленинграда,
Мы плыли, испарывая лед.

Что ожидает желторотых,
Одетых в штатское пока?
Ревели в небе самолеты,
Снаряды рвали облака.

Наутро – берег под ногами.
Идем с мешками за спиной.
И люди с грустными глазами
Скользят, как тени, стороной...

Блокада – горе Ленинграда,
Несокрушимость наших сил.
В ней делал каждый все, что надо,
И лишней крошки не просил.

Прежде всего, у нас отобрали все консервы, которые нам давали в пути следования, с целью приготовить из них обед и покормить им нас в столовой, что и было сделано через некоторое время. Но на тарелке у каждого оказалось по полторы ложки какой-то желтой размазни, что и обедом-то назвать никак нельзя. Но нам сказали: «Это всё, обед закончен. А вы как думали? На то она и блокада...». Мы вытащили из своих вещмешков сухарики, пожевали и подумали: да, если нас так будут кормить, то скоро и ног передвигать не будем. Однако на следующую ночь нас опять погрузили в баржи и катерами повезли в Кронштадт. Там разместили в казарме, водили строем на прием пищи на камбуз (пофлотски – столовая). Там нас кормили уже хорошо, как в мирное время. Я помню, приносили на каждые десять человек по медному, (петровских времен), тазику перловой каши, на палец залитой

жиром. И мы сначала разливали этот жир по чашкам, а потом уж делили кашу. «Ну, так еще жить можно, - подумал я, - но почему такая разница по сравнению с кормежкой в столовой Ленинграда?». Этого я понять не мог.

Вскоре нас начали гонять на погрузо-разгрузочные работы в порт, на форты, так что хорошее питание оказалось не лишним. Нас долго не обмундировывали, а пока мы знакомились с островом Котлин и окружающими его островами, часто слышали воздушные тревоги, так же как и все, прятались в бомбоубежищах во время налетов вражеской авиации. И все ждали, когда же нас обмундируют в морскую форму. И вот, наконец, этот час настал. И каково же было наше разочарование, когда вместо морской нам выдали пехотную армейскую форму, тем более, что я вместе с другом керчанином Юрой Осиным добровольцем шел служить в морфлот. Как эвакуированного меня еще на фронт не брали. «Подожди, - говорил мне начальник второй части Балтайского военкомата майор Утробин, - как только появится возможность, мы тебя направим в какое-нибудь училище». Нет! Хочу только в морфлот и именно в Кронштадт, в училище. Это мне Осин так наговорил, что там есть училище. О, а какие там корабли, море голубое, одно загляденье. Полундра! Гальюн. Все эти незнакомые мне слова меня будто щекотали. А что? Я ведь сроду моря не видел. Ничего подобного, кроме своей маленькой речушки Должанки да реки Тим, протекающих на моей родине в Орловской области. Это и было все мое знакомство с «морской» стихией. А тут прямо перед глазами раскинулся такой величественный Финский залив. Так вот, повторяю: получили мы свое пехотное обмундирование без особой радости. Смотрю, а другу моего зачисляю в другую команду. Я было тоже туда кинулся, так мне кто-то шепнул, что эту команду подбирают в морскую пехоту. Вот и я туда стал в строй. Тут подходит ко мне какой-то капитан (у моряков все капитаны, только я тогда еще не разобрался в их рангах) и, не спрашивая у меня фамилии, сразу насупил брови: а ты как сюда попал? Я ему было начал что-то молоть о том, что мы с Юрой Осиным друзья, что я только из-за него сюда и поехал, а теперь нас разлучают... Но капитан меня даже слушать не стал, а просто взял за руку и вывел из строя, дескать еще подрасти надо, чтобы попасть в этот строй. Я хотел было еще что-то предпринять, кого-то попросить, но один солдат мне сказал: «Зря, парень,

мыкаешься, видишь, тут команда подобрана один к одному и ниже 185 см по росту никого нет». А у меня рост был всего 176 см. «Вот оно что», - понял я и медленно пошел переодеваться. Вдруг, слышу, а там меня уже старшина ищет и, увидев, закричал: «Ты где был?». Я, ему в ответ, чуть слышно: «Ды, тута».

Было уже начало декабря, когда нас опять баржами потянули на буксире катера. Ночью по основному фарватеру прошли часть пути вроде бы ничего, но дальше попался довольно крепкий ледок и где-то в полосе видимости с берега, занятого немцами, со стороны Стрельны, наши катера затерло прочным льдом. А тут уже начало хорошо рассветать, появилась вражеская разведка на коньках. Чувствуем, сопровождающие нас военные и моряки заволновались. Один из них даже тихо сказал: «Ну, сейчас они по нам, кажись, полыхнут». Командиры вышли на лед, попробовали его прочность, держит вроде хорошо, правда немного потрескивает, ну так что? Посоветовавшись, дали команду: всем выходить по одному, бежать тихонько в сторону мыса, покрытого соснами, дистанция 10 метров. В том леску ожидать остальных. И мы побежали. И хотя ледок потрескивал, но никто из наших ребят не провалился. А когда все собрались в указанном месте, нас строем повели в город. Уже выйдя на бугор, мы услышали и увидели, что по нашему транспорту бьют вражеские артиллеристы. Послышались тревожные гудки катеров, появилась дымовая завеса. Наш командир, ведущий строй, кричит: «Не оглядываться!» А нам стало очень жаль тех моряков, что везли нас в Ленинград.

Потом мы попали в запасной полк, где нас учили первоначальной подготовке, а через 30 дней маршевой ротой отправили в 106 ОМИБ, где мы продолжали учиться, но уже саперному делу на передовой в районе 8-й ГЭС на Неве.

Баня

Жили мы в землянке с перекрытием в три наката, слышали непрерывный свист пуль, часто в нашем леску поблизости рвались мины и снаряды, но в наш овраг пока не попадало. Ходили на Неву за водой, но только ночью, иначе враг с того берега открывал огонь, дежурили, но особых боевых задач пока нам не ставили, видимо приучали к фронтовой обстановке. Но вот старшина Смирнов решил нам сделать баню. А как? Стояла зима,

февральские морозы еще пощипывали как следует. Чуть подальше от нашей землянки была огромная авиационная воронка вся занесенная снегом. Старшина приказал нам выбросить из нее весь снег, почистить дно, что и было сделано. Потом над этой воронкой мы натянули брезент, подсыпали по его краям снежку, чтоб ветер не поддувал, установили там железную бочку с водой и стали ее подогревать. Постелили на дно воронки хвойных веток. Личному составу было объявлено, что сегодня будет баня. Я смотрю, и другая бочка с водой уже появилась, ее уже тоже подогревают, скоро закипит. Выдали нам белье, мыло да еще какой-то мази, от насекомых, и начали с первого отделения банить.

Правда, холодновато было, да еще и дым глаза чуть не выел, но главное было не перепутать холодную воду с кипятком. Ну, а кому не хватало холодной воды, компенсировали ее снегом. Как бы то ни было, а все помылись на славу. Этому «событию» я посвятил одно из своих стихотворений, написанных после войны.

ФРОНТОВАЯ БАНЯ

Там, за рекой, на том боку
Залезли «фрицы» в норы,
Мы подсыпаем табаку
И выкурим их скоро.

Ну, а пока тверда рука,
Никто из нас не ранен,
Готовим баню для полка
Здесь, на переднем стане.

Расчистив снег (уже успех),
Впряглись солдаты в сани,
И, не без вражеских помех,
Вода речная в бане.

Кто ветки елок нарубил,
Кто котелки таскает,
А кто-то печку смастерил –
Котел подогревает.

А вместо таза – котелок,

И смех не умолкает.
- Подкиньте снегу в кипяток,
Холодной не хватает.

Вверху брезент. Над головой
Посвистывают пули.
Снаряды рвутся под горой,
До нас не дотянули.

Обычный день передовой:
Меняются лишь сцены...
Сегодня – баня, завтра – бой,
Добьемся перемены.

Кормили нас тогда слабовато: какой-то жидкой баландой, да еще какой-то серо-желтоватой размазней. Но мы это ели. А куда деваться? Другого ничего не было.

С тех пор прошло много времени. По-разному говорят о ленинградской блокаде. Однако, и сегодня находятся люди, которые утверждают, что надо было Ленинград сдать врагу без боя и тогда бы он не был так разрушен и не погибло бы столько людей от голода. Но что удивляет больше всего, что среди таких скептиков и маловеров оказался наш известный писатель Виктор Астафьев. Однако и ему дал хорошую отповедь в газете «Вечерний Ленинград» Олег Носов в своей статье: «За город, в котором рожден». Эта статья явилась ответом не только писателю В. Астафьеву, но и его единомышленникам в этом вопросе.

Я почти полностью присоединяюсь к мнению Олега Носова, привожу краткое содержание его статьи, делая свои замечания (с чем не согласен), дополняю их сюжетом Л.Я. Сапуновой и делаю свое заключение.

О самом больном и страшном

«Вначале о самом больном и страшном. Многое я узнал потом из рассказов мамы, - пишет Олег Носов, - многое сохранила память. До сих пор, стоит лишь вспомнить, на запястье левой руки чувствую пухлую женскую ладонь, обхватившую ее как наручниками, и слышу испуганный мамин крик: «Алик! Ты куда?»

Это была не женщина, это было звероподобное чудовище, которое нельзя назвать святым словом – женщина. (А.П.)

«А меня на свой этаж за руку тащит Паша-пуговка. Эта румяная хромая тетка, жившая в квартире над нами, работала на пуговичной фабричёнке...»

Зачем так унижительно о фабрике, она здесь не причем. (А.П.)

- Алик! Куда ты?! – слышу маму, и моя высвобождается из «наручников».

«... Маму дома знали все. До войны, да и в блокаду, мама работала бухгалтером.

- Не зайдете ли ко мне? – встретив на лестнице маму, приставала Паша-пуговка,- на тарелочку супа. На фабрике на фабрике нас мостолыгами отоварили... Мама вспомнила: «Слюньки потекли. Но ты был один дома, и я несла тебе обед из столовки. Это меня и спасло».

«...На Ширяевском рынке (был такой на Малом проспекте между 14-й и 13-й линиями) ничего не продавали, а меняли на продукты все, что могли. Шестнадцатилетняя девчушка предлагала старую одежду в обмен на хряпу (зеленые первые листья капусты).

- А за кочан отдашь? – спросила ее румяная хромая тетка. – Только капуста у меня дома.

- Отдам, - обрадовалась девчушка и пошла за теткой.

К концу дня в наше домоуправление пришла встревоженная женщина.

- У вас не проживает такая хромая? – и стала описывать Пашу-пуговку.

- Про-жи-вает,- предчувствуя недоброе протянула домоуправ Мелехина. – А что?

Женщина рассказала, как поручила дочери вещи, как потом, не дождавшись ее возвращения, пришла на рынок и у людей узнала, что...

Мелехина вызвала наряд милиции, и они поднялись в квартиру Паши-пуговки. Долго стучали в дверь. И, когда уже решили взламывать, дверь отворили... Открыл мужик с топором в руках.

По квартире стелился запах варящегося мяса. Платье девчушки валялось на стуле тут же, в прихожей...

Все! Дальше не могу... Мужика и Пашу-пуговку судили, расстреляли... Я ничего не выдумал. Те, кто усомнится, могут проверить».

И Носов дает адрес подонков: Васильевский остров, 15 линия, дом 72, кв.4. (А.П.)

«Я начал эти заметки с воспоминания о самом страшном, больном и стыдном для ленинградцев, потому что оппоненты публикации «Кощунство» («Вечерний Ленинград» от 2 августа 1989 года) и защитники писателя В. Астафьева, высказавшего в беседе с корреспондентом «Правды» мысли о возможном благополучном исходе для жителей Ленинграда, если бы город сдали врагу, именно доводом о случаях каннибализма и апеллируют в первую очередь.

«От голода люди озверели. В Ленинграде было массовое людоедство. Вечерами на улицах раздавались жуткие крики, днем валялись трупы. В пустой квартире вновь подселенной соседкой была съедена моя двоюродная сестра», - вот таким видится части читателей блокадный наш город.

А ведь в этих строках почти правда. Действительно, ленинградцы мало походили на людей: изможденные дистрофики – кожа да кости, и как только им удавалось снабжать фронт боеприпасами, ремонтировать военную технику! Были и трупы на улицах (мой отец 11 января 1942 года упал в сугроб и больше не поднялся, но тело его не «валялось» - увезли в морг больницы имени Ленина и захоронили на Пискаревке).»

А если б не они, добавим мы, если б не эти голодные, но мужественные ленинградцы, если б не ими сделанное оружие и боеприпасы, если б не их стойкость и героизм, конечно бы Ленинград не устоял и был бы разрушен страшно. (А.П.)

«Было и людоедство! Но не «массовое» же! Ведь меня и маму чуть не съели, - продолжает О. Носов, - а мы об этом догадались лишь после суда в 1944 году. И ни в нашем доме, ни на нашей

линии, ни на всем Васильевском острове ничего подобного не было».

«Голод превратил блокадников в скот, который затем передох. Я пишу от имени миллионов погибших жителей», - вторит некто Гаврилов, проживающий ныне на проспекте Максима Горького.

«Я не защищал город, не оборонял его трудом – был слишком мал, - продолжает О. Носов. Но ведь и я должен был превратиться в маленькую «скотинку» и «подохнуть». Не превратился и не подох. Мама, два старших брата и я выжили. У нас даже не было рабочей карточки. Мама – служащая, братья – подростки, я – ребенок. Но то, что получали, делилось поровну. Старший брат заболел дистрофией, попал в стационар и еле выжил. Средний чуть не последовал за ним. В сорок третьем братья ушли на фронт мальчишками и дрались до Победы. А я голодный и ненасытный, когда мне однажды дали из-за жалости не мог есть жареных воробьев. Так были ли мы скотами, читатель Гаврилов? Но бог с теми, кто понаслышке или в силу гипертрофированной фантазии «стрижет всех блокадников под «зверей и скотов». Есть у позиции Астафьева и прямые защитники.

Гнилые перевертыши

«Однажды знакомая сказала моей матери:

- «Уж лучше бы сдали город. При немцах мы бы тоже умирали, но с одним преимуществом – умирали бы организованно».

Под этими строками стоит подпись: Н. Андреева (но не та, которая писала письмо Горбачеву: «Не могу поступиться принципами»).

«Организованно славить вождя, организованно строить Волго-Балт, организованно фальсифицировать судебные процессы, организованно истреблять крестьянство... организованно «жить, трудиться и умирать!» Эта новоявленная Н. Андреева закончила письмо одним словом, обращенным к нам, несогласным с доводами писателя: «Стыдно!».

А вам, Виктор Петрович, не стыдно? Не стыдно, что полемически ваш вопрос: «Как вы относитесь к тому, что наши войска не сдали Ленинград?», которым вы пытались выявить «состояние нашей гуманности», породил прямо противоположное – желание умереть «организованно». Вам-то, наверное, не следует объяснять, что такое организованная смерть по-немецки: печи крематория, газовые камеры, концентрационные лагеря!? А организованно фашисты умертвляли ленинградцев и в блокаду. Когда замерз водопровод и люди, жившие у Невы, брали из нее воду, они не знали, что жить им остается считанные дни. Невская вода была отравлена немцами! Ими был организован массовый мор блокадников. Плюрализм, как его сегодня называют, - множество мнений – превратился в анархию, если люди не смогут придти к правильному мнению, то что несет объективная правда. А вот ее-то нам сегодня и недостает. И в отношении блокады Ленинграда – тоже. Да, были не только герои-защитники, но и мародеры, спекулянты, воры, бандиты, людоеды. Были не только ожесточенные кровопролитные бои и героический труд, были дни, когда у защитников не оставалось ни одного снаряда и город можно было взять голыми руками».

Но я здесь позволю себе возразить О. Носову: Коль не могли взять нас и с 10-ти кратным преимуществом в вооружении, голыми руками врагу взять нас было черта с два! (А.П.)

«Но он остался непокоренным. Были бомбежки, массированные артобстрелы, но ни в Исаакиевский собор, ни в Смольный, ни в Петропавловку, а, в общем, за исключением Зимнего, ни в один замечательный архитектурный ансамбль не было прямого попадания. Случайно ли это?»

На этот вопрос я сразу отвечу О. Носову: нет, не случайно. За это надо сказать огромное спасибо нашим маскировщикам, зенитчикам и героям истребительной авиации, защитившим небо Ленинграда, а также тем, кто вел контрбатареиную борьбу с врагом, но, подчеркиваю, не жалость врага.

Что касается Первого секретаря Ленинградского обкома и горкома партии, члена Военного совета Ленинградского фронта А.А. Жданова, внесшего своим трудом большой вклад в дело организации и мобилизации трудящихся Ленинградской области на оборону Ленинграда и побед Вооруженных Сил Ленинградского фронта над вероломным и сильным врагом, то я категорически возражаю тем, (кто бы он ни был), кто пытается опорочить его деятельность.

Вот, была бы возможность, взять да сунуть бы любого его критика на место А.А. Жданова в то время, в блокадный Ленинград, окруженный со всех сторон врагом, да потребовать от него, чтоб он также выполнял свои обязанности, да хотя бы раз отчитался за свою деятельность перед Сталиным. Наверное, после этого он бы и персигов не захотел.

А таких как Цветков, работавший в блокаду начальником военного издательства и, якобы, собиравший ордена и другие ценности себе в коллекцию в самый разгар голодной зимы в обмен на хлеб, проклинать бесполезно. Жаль, конечно, что об этом Сталин не знал, а то бы этот Цветков много бы потерял, а, скорее всего, свою глупую и жадную голову. (А.П.)

А теперь продолжим сюжет О. Носова.

«...Обращаюсь к вам, Виктор Петрович, как к коллеге по членству в Союзе писателей СССР. Говоря об истинном гуманизме, высшем предназначении человеческой жизни, мучительной смерти детей и стариков в Ленинграде, тысячах загубленных понапрасну жизней, не считаете ли вы, что наши «старшие собратья по перу» (вчитайтесь в имена – Б. Лихарев, Н. Тихонов, К. Симонов, К. Федин) занимались тогда «людоедством», как теперь вы предлагаете нам, ленинградцам, заняться моральным самоедством? Ведь ни один из них не погиб в блокаду, все долго здравствовали и пописывали автографы в альбом блокадного коллекционера, забегая к нему на «ерша». И не на них ли лежит часть вины за смерть ленинградцев? Думаю,

не случайно ваш призыв к «человечности» ваши сторонники защищают вот такими доводами:

«Астафьев проповедует человечность и поэтому прав. Выгодно человеку – значит хорошо! А если не выгодно людям, значит, плохо и бесчеловечно!»

Вот философия «голосующих» за сдачу Ленинграда врагу!

«Мое мнение, что писатель В.П. Астафьев прав. Ленинград во время войны надо было сдать. Мне стыдно, что я родился в нем и что за 26 лет моей жизни этот город мне ничего не дал. Если начнется война, я защищать свою Родину не пойду, потому что в этом нет смысла. Я считаю, что каждый здравомыслящий человек думает так же, если он живет в таких условиях как я».

Слышите: «... мне этот город ничего не дал»? Вам нужны такие единомышленники? Если нужны, то вопрос о сдаче Ленинграда вы должны были поставить иначе: сдать город или сдаться?

Но как же тогда быть с теми, кто посылал в эфир точки-тире: «Погибаем, но не сдаемся!» и с теми, кто гордо произнес: «...врагу не сдается сраженный «Варяг» (*поправлю: «Врагу не сдается наш гордый «Варяг». А.П.*), и с теми, кто предпочитал чуму и мор, но не сдавал русских крепостей, и с теми?.. Как быть с русской историей? С той самой, до семнадцатого года, когда никто не «предпочитал за камень погубить своих людей»?

Вы против смерти за символы. Но любая война – это борьба символов. Какими бы они ни были. Символ о приоритете одной нации над другой – фашизм, и символ защиты матери Родины (наш советский). И Ленинград тоже символ. Все ликовали когда сообщали, что город на Неве не сдается, о стойкости сталинградцев, о героизме севастопольцев, ликовали, узнав, что наши освободили Одессу.

Можно написать, что ленинградцы полегли «за каменные коробки», а не за свой город. Можно думать так, как думает наш читатель В.А. Соколова:

«Если даже принять цену «коробок» за главное, то советский народ победил бы немцев и со сдачей Ленинграда. Сдали же немцам Киев и что? Киев потерял свое историко-художественное значение? Нет».

Но тогда как быть с чувством Родины? С тем чувством, которое живет во всех нас – плохих и хороших. Я говорю о собственной комнате, квартире, доме, о собственных матерях, женах, сестрах. Это за них, за то, чтобы не надругались над ними, чтобы сожгли дом, не растащили скарб, дрались с врагом наши отцы, разные по духу, но единые в стремлении выстоять и победить. Из защиты маленьких семейных очагов слагалось большое чувство – Родина или смерть!

Да, отступая, города сдают противнику. Но чтобы победить, их приходится освобождать.

(А чтобы не позорили Россию, такой мусор как «астафьевцы» надо выметать вон, тем более из таких городов как героический Ленинград. А.П.)

И неизмерима чаша кровавых потерь. Никто не знает, что менее кровопролитно: обороняться или отвоевывать. И женщины, дети и старики гибнут как при сдаче, так и при штурме. А Ленинград – был ли за ним хоть клочок земли, куда бы можно было отступить. Откуда можно было наступать? Сегодня размывают понятия честь, долг, самопожертвование, святость. Так, может быть, пользуясь плюрализмом, смыть их начисто и заменить, как вы предлагаете, одним словом – «человечность». Но, полноте, Виктор Петрович, не вам ли, писателю, не знать, что всемирный гуманизм – утопия. Как только добро и зло побратаются на грешной земле, придет конец Человеку. В борьбе противоположностей живет он на Земле. Тем и уникальна человеческая жизнь. Неужели вам не ведома притча о Христе, которого спросили, когда же наступит земной рай. И услышали в ответ: тогда, лишь, когда люди перестанут верить в меня. Это значит – никогда!

Верой жил и будет жить человек. Верой в добро, в лучшую жизнь, даже в загробный мир, в победу над врагом. Но всегда – и через век, и через сто веков он будет бороться со злом, как и добро, оно бессмертно. Так зачем же сеять иллюзии и толкать людей к рабству и повиновению грубой силе?

Оставаясь беспартийным, я не смогу принять плюрализм, который вычеркнул бы из нашей идеологии лозунг социализма: «Все для народа – все во имя народа!», не смогу я принять и идеологов перестройки, которые провозглашают: «Сдать или сдаваться». Потому что для меня священо слово Родина, и сегодня я готов защищать до конца, отдать жизнь за город, в котором рожден. Пусть это штамп или красивые слова, как кому будет угодно, но, надеюсь, мне поверят блокадники ленинградцы, те, кто защищали спас меня от фашистского плена, от голодной смерти.

Закончу словами, как думают, надеюсь, все ленинградцы-блокадники: «Мы просто любим Родину, а потом жизнь!»

(И я думаю точно так же. А.П.)

А вот что пишет Л.Я. Сапунова в книге «Эстафета вечной жизни» /Сборник воспоминаний уходящего поколения блокадников. С.-Петербург 1995 г./

И еще раз – САМОЕ СТРАШНОЕ

Во время блокады Сапунова работала на телефонном узле. Ее начальник Рамзин попросил узнать почему не выходят на работу телефонистки Аня Калинина и Вера Флегонтова, что жили в двухэтажном бараке у Волковского кладбища. Предстояла дальняя дорога. Транспорт в городе (общественный) не ходил. Сапунова вышла рано утром и шла пешком весь день. Пришла к этому дому вечером, было уже темно, когда она вошла в этот дом, в котором все двери были открыты.

«Долго бродила по первому этажу, в одной из комнат слышала слабый голос, вошла в нее, там оказалась Вера. Она лежала на койке, покрытая всяким тряпьем. Узнала меня и спросила: «Зачем пришла?». Я ответила, что работать некому, а

вы с Аней не приходите. Вера ответила, что из всей семьи пяти человек, она осталась одна и ждет своей смерти. В этой большой и холодной комнате лежали два трупа – ее братишка и сестренка. Стало ясно, что Вера скоро умрет. Я спросила, где живет Аня. Вера с испугом слабым голосом рассказала, что Аня и ее мать занимаются людоедством, что они уже съели своих родных и теперь охотятся на улице. Вера уговаривала, чтоб я к ним не ходила. Но я, попрощавшись с Верой, должна была выполнить задание своего директора, и поэтому пошла к Ане на второй этаж. Постучала, и вскоре мне открыли дверь две женщины, с керосиновой лампой в руках. Одна из них была Аня. Было странно, что в это голодное время, они были довольно полными, но в их глазах было что-то звериное. Сначала Аня меня не узнала, а когда узнала, попыталась закрыть дверь и не впускать меня в квартиру. В это время ее мать схватила меня за воротник и втащила в коридор. Пол был разобран, и я упала куда-то. Мать Ани повалилась на меня, дико хрипя. Аня унесла лампу, и борьба началась в темноте. С помощью Ани мне удалось вырваться из рук ее матери. Я выползла на лестницу и покатила по ступенькам вниз, ибо идти не было сил. В темноте на меня летели какие-то предметы с криками и ругательствами Аниной матери. Аня кричала: «Лида, беги скорее на улицу!». Не помню, как я оказалась на улице. Опомнилась, лежа с правой стороны крыльца. Около меня стоял худой человек, закрученный в разные тряпки. Он спросил: «Девочка, почему ты лежишь здесь, ведь ты еще живая?». Я ответила, что навещала знакомых, а сил дойти до дома не хватило, упала и больше ничего не помню. Он помог мне подняться и сказал: «Иди с богом от этого дома и побыстрей, так как здесь живут людоеды.» Я отправилась в обратный путь, сколько времени шла не знаю, но дошла.

Возвратясь на работу, рассказала обо всем случившемся со мной начальнику тов. Рамзину и гл. инженеру т. Поху. Они сказали мне, что не думали, что я вернусь и пожалели, что отправили меня в такой дальний путь. Потом я ушла на фронт,

работала делопроизводителем-машинисткой в истребительном полку. По возвращении с фронта комсомолом была направлена работать в органы КГБ. Только в 1946 году, когда стали пропадать дети и заговорили о людоедстве, я пошла к начальнику и рассказала ему о том блокадном случае.

Через некоторое время нашли Анну Калинину, она работала воспитательницей в детском саде. Судили ее в городском суде. Она во всем призналась и даже в том, что съела свою мать. Одно ей было не понятно, кто мог знать о ней, так как в их бараке в живых, кроме нее, никого не осталось. Вдруг она спросила, а не жива ли Смирнова Лида, с которой она работала вместе в центральном телефонном узле во время блокады? Я была на суде, мне разрешили встать. Она меня узнала, улыбнулась и сказала, что очень рада, что я жива, добавив: «Спасибо тебе, я так устала от такой жизни...» Мне по-человечески было ее жаль, но жизнь ее была закончена».

Россия – в блокаде!

Я не случайно вкратце изложил здесь рассказы двух очевидцев о случаях людоедства во время ленинградской блокады и даже после нее. Однако хочу заметить, что это были отдельные случаи, несопоставимые с массовым героизмом ленинградцев, готовых на любой подвиг во имя защиты родного города, не жалевших для этого ни своих сил, ни даже собственной жизни в те грозные военные годы. То была пора глубоких военных потрясений, вызванных тяжелейшей борьбой советского народа и его армии с ненавистной и озверевшей фашистской армией. Шла жестокая кровопролитная война не на живот, а на смерть, во время которой мы потеряли много людских жизней, материальных благ, как в тылу, так и на фронте.

Об этом забывать, мы не имеем права никогда!

Справедливости ради, замечу, что после войны мы сравнительно быстро сумели восстановить разрушенное войной народное хозяйство, а наш Советский Союз стал великой мировой державой.

Прошло полвека с той поры, произошла смена поколений и вдруг нашлись такие силы, которые неожиданно для советских людей, сумели изнутри развалить Советский Союз, а теперь пытаются развалить и саму Россию!

И мы только теперь поняли, что этот развал заранее кем-то спланирован, идет давно, в ходе, подкрадываясь к нам незаметно, 3-й мировой войны. Сначала, на протяжении 40 лет, шла т.н. холодная война, потом эта война во многих местах нашей страны стала горячей, в результате чего мы понесли большие потери в людях и материально-технических средствах. Развалили нашу экономику, финансы, промышленность, сельское хозяйство, разрушают армию и внутренние войска. Стране нанесен удар во много раз сильнее, чем во время Великой Отечественной войны. И это еще не все.

Идет целенаправленное моральное разложение наших людей и, прежде всего молодежи, с помощью средств массовой информации: радио, телевидения, печати и пр., политики, которую ведет сегодня наше буржуазное правительство. Идет физическое уничтожение людей без суда и следствия: травят ядами, добавляя их в спиртное, воду, продукты питания, которые заставляют нас покупать под видом товаров хорошего качества. Вследствие иностранной экспансии товаров задушили отечественного товаропроизводителя. Зарплату и пенсии выплачивают в несколько раз меньше, чем положено и то несвоевременно, с большими задержками. Денежные сбережения народа, хранившиеся в сбербанках, государство попросту украло и неизвестно когда думает возвращать. В результате всего этого смертность в стране стала в два раза выше рождаемости. Кроме того идет война химическая, идеологическая, диверсионная: взрываются шахты и гибнут шахтеры, подрывают и поджигают склады с оружием и боеприпасами, чтоб в случае нападения извне нечем было воевать. Морят солдат голодом и простудой, выдавая плохое обмундирование, от чего они часто болеют. Не

обеспечивают необходимым количеством горюче-смазочных материалов армию, что резко снижает уровень ее боеготовности.

У России отобрали всех союзников и даже тех, которые входили в состав СССР в виде союзных республик. Короче, идет третья Мировая война империалистических государств, во главе с Соединенными Штатами Америки, против России любыми способами с целью ее разрушить, разграбить, закабалить. Это ли не блокада во всероссийском масштабе? Даже Украину и Белоруссию у нас пытаются отобрать как союзников, чтобы сделать их противниками России. В то же время мы видим как войска НАТО все ближе дислоцируются к нашим государственным границам.

Таким образом, Россия – в блокаде! Может быть, нам тоже поднять руки и сдать Россию на милость победителю, как предлагали сдать Ленинград отдельные недоумки и наши злейшие враги?

Но, я верю, Россия не сдастся никогда!

Хотелось бы закончить раздел «Блокада» отрывком из стихотворения В. Сулова «Слово к блокадникам»:

Немного нас, блокадников, осталось,
Все больше, горше всем потерям счет...
И нас гнетет сегодня не усталость,
Сильнее нас бездушие гнетет.

Нас не сломила долгая блокада,
Мы выстояли в огненном кольце.
Кто там кричит, что нету Ленинграда?
Мол Петер здесь, с немецким «бург» в конце.

На нас летели с неба тонны стали,
Сирены выли сутками подряд.
И мы не Петербург тут отстояли –
Мы отстояли город Ленинград.

1991-1995 г.г.

г. Орел – пос. Змиёвка Орловской области

ЦИФРЫ И ФАКТЫ

В течение нескольких лет Ленинград находился в кольце блокады фашистских захватчиков. Люди остались в городе без еды, тепла, электричества и водопровода. Дни блокады – самое трудное испытание, которое жители нашего города выдержали с мужеством и достоинством. SPB.AIF.RU приводит 10 фактов о блокадном Ленинграде.

Блокада длилась 872 дня

8 сентября 1941 года Ленинград был взят в блокадное кольцо. Оно было прорвано 18 января 1943 года. К началу блокады в Ленинграде не было достаточного количества запасов еды и топлива. Единственным путем сообщения с городом было Ладожское озеро. Именно через Ладогу пролегла Дорога жизни – магистраль, по которой в блокадный Ленинград доставлялись грузы с продовольствием. По озеру было сложно провезти количество еды, необходимое для всего населения города. В первую блокадную зиму в голе начался голод, появились проблемы с отоплением и транспортом. Зимой 1941 года умерли сотни тысяч ленинградцев. 27 января 1944 года, через 872 дня после начала блокады, Ленинград был полностью освобожден от фашистов.

27 января Петербург поздравит Ленинград с 70-летием освобождения города от фашистской блокады.

630 тысяч ленинградцев погибли

За время блокады от голода и лишений погибло свыше 630 тысяч ленинградцев. Эта цифра была озвучена на Нюрнбергском процессе. По другой статистике, цифра может достигать 1,5 миллиона человек. Только 3% смертей приходятся на фашистские артобстрелы и бомбежки, остальные 97% погибли от голода. Мертвые тела, лежащие на улицах города, воспринимались прохожими как обыденное явление. Большинство погибших в блокаду похоронены на Пискаревском мемориальном кладбище.

За годы блокады в Ленинграде погибли сотни тысяч людей.

Минимальный паек - 125 граммов хлеба

Главной проблемой осажденного Ленинграда был голод. Служащие, иждивенцы и дети получали в период с 20 ноября по 25 декабря только 125 граммов хлеба в день. Рабочим полагалось 250 граммов хлеба, а личному составу пожарных команд, воензированной охраны и ремесленных училищ – 300 граммов. В блокаду хлеб готовили из смеси ржаной и овсяной муки, жмыха и нефилтрованного солода. Хлеб получался практически черным по цвету и горьким на вкус.

1,5 миллиона эвакуированных

За время трех волн эвакуации Ленинграда из города были вывезены в общей сложности 1,5 миллиона человек – почти половина всего населения города. Эвакуация началась уже через неделю после начала войны. Среди населения велась разъяснительная работа: многие не хотели покинуть свои дома. К октябрю 1942 года эвакуация была завершена. В первую волну в районы Ленобласти были вывезены около 400 тысяч детей. 175 тысяч вскоре были возвращены обратно в Ленинград. Начиная со второй волны, эвакуацию совершали по Дороге жизни через Ладожское озеро.

Из Ленинграда была эвакуирована почти половина населения.

1500 громкоговорителей

Доля оповещения ленинградцев о вражеских атаках на улицах города было установлено 1500 громкоговорителей. Кроме того, сообщения транслировались через городскую радиосеть. Сигналом тревоги стал звук метронома: его быстрый ритм означал начало воздушной атаки, медленный – отбой. Радиовещание в блокадном Ленинграде было круглосуточным. В городе действовало распоряжение, запрещающее отключать радиоприемники в домах. Дикторы радио рассказывали о ситуации в городе. Когда прекратилось вещание радиопередач, стук метронома все рано продолжал транслироваться в эфире. Его стук называли живым биением сердца Ленинграда.

На улицах города появилось более 1,5 тысяч громкоговорителей.

- 32,1 °C

Первая зима в осажденном Ленинграде была суровой. Столбик термометра падал до отметки - 32,1 °С. Средняя температура месяца была – 18,7 °С. В городе даже не зафиксировали привычных зимних оттепелей. В апреле 1942 года снежный покров в городе достигал 52 см. Отрицательная температура воздуха стояла в Ленинграде более полугода, продержавшись до мая включительно. Отопление не поступало в дома, были отключены канализация и водопровод. Прекратилась работа на заводах и фабриках. Главным источником тепла в домах стала печка-«буржуйка». В ней сжигали все, что горело, в том числе книги и мебель.

6 месяцев осады

Даже после снятия блокады немецкие и финские войска в течение полугода осаждали Ленинград. Выборгская и Свирско-Петрозаводская наступательные операции советских войск при поддержке Балтийского флота позволили освободить Выборг и Петрозаводск, окончательно отбросив противника от Ленинграда. В результате операций советские войска продвинулось в западном и юго-западном направлении на 110-250 км, и Ленинградская область была освобождена от вражеской оккупации.

150 тысяч снарядов

Во время блокады Ленинград постоянно подвергался артобстрелам, которых было особенно много в сентябре и октябре 1941 года. Авиация совершала по несколько налетов в день - в начале и в конце рабочего дня. Всего за время блокады на Ленинград было выпущено 150 тысяч снарядов и сброшено больше 107 тысяч зажигательных и фугасных бомб. Снарядами было разрушено 3 тысячи зданий, а повреждено больше 7 тысяч. Около тысячи предприятий были выведены из строя. Для защиты от артобстрелов ленинградцы возводили оборонительные сооружения. Жители города построили больше 4 тысяч дотов и дзотов, оборудовали в зданиях 22 тысяч огневых точек, возвели на улицах 35 километров баррикад и противотанковых препятствий.

4 вагона кошек

Домашних животных в январе 1943 года привезли в Ленинград из Ярославля для борьбы с полчищами грызунов, грозивших уничтожить запасы продовольствия. В только что освобожденный город прибыло четыре вагона дымчатых кошек – именно дымчатые кошки считались лучшими крысоловами. За привезенными кошками сразу же выстроилась длинная очередь. Город был спасен: крысы исчезли. Уже в современном Петербурге в знак благодарности животным-избавителям на карнизе домов на Малой Садовой улице появились памятники коту Елисею и кошке Василисе.

300 рассекреченных документов

Архивный комитет Санкт-Петербурга готовит электронный проект «Ленинград в осаде». Он предполагает размещение на портале «Архивы Санкт-Петербурга» виртуальной выставки архивных документов по истории Ленинграда в годы блокады. 31 января 2014 года будут опубликованы 300 отсканированных в высоком качестве исторических бумаг о блокаде. Документы будут объединены в десять разделов, показывающих разные стороны жизни блокадного Ленинграда. Каждый раздел будут сопровождаться комментариями специалистов.